

4.1

Государственный герб в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. государственные гербовые орлы приобрели иной вид. Крылья орла опустились, но как бы широко распластались в готовности к полету, над головами осталась только одна корона, щит с московским гербом приобрел иной, декоративный вид (треугольный и заостренный кверху – типа английского), а в лапах орел держал или скипетр и державу, или в правой – факел, горящий с двух концов, и двойной перун со стрелами-молниями, а в левой – лавровый венок²⁰² (см. ил. 15). Эти изменения произошли под воздействием художественного стиля ампира²⁰³. В таком же стиле, в частности, был выполнен, разумеется, и герб Французской империи при Наполеоне, на котором, кстати, одноглавый золотой орел держал в лапах перун²⁰⁴. Но если наполеоновский орел с опущенными крыльями и перуном стилистически воспроизводил имперских орлов Древнего Рима (атрибут Зевса-Юпитера и как следствие этого символ императорской власти), утверждая семантическую «преемственность» (Римская империя – империя Наполеона), то российский имел другую форму крыльев. По словам святителя московского митрополита Филарета (Дроздова) (его мнение особенно интересно, поскольку он представлял ту духовную среду, которая очень тонко воспринимала символику окружающего мира), такое расположение крыльев воспринималось некоторыми современниками как «примета, что Россия уже не возвышается, а опускает крылья»²⁰⁵.

В первой половине XIX в., однако, существовал и иной тип российского государственного орла (см. ил. 16).

Крылья этого орла, напротив, были подняты вверх, и всеми атрибутами он напоминал орла предшествовавших царствований (три короны, скипетр и держава в лапах, цепь ордена Андрея Первозванного вокруг московского герба)²⁰⁶. Одно примечательное изменение все же произошло. С 1832 г. щитки с территориальными гербами располагались так: на правом крыле орла сверху вниз – царств Казанского, Астраханского и Сибирского, на левом – царств Польского, Херсониса Таврического и великого княжества Финляндского²⁰⁷. Во-первых, три «новых» важных государственных объекта заменили гербы трех древнерусских столиц: Киевский, Владимирский и Новгородский. Во-вторых, нарушилась традиционная последовательность расположения гербов в ориентации правого и левого. Справа шли гербы древних царств, присоединенных еще в XVI в., а слева – новых, присоединенных в конце XVIII – начале XIX в. Общая последовательность выглядела так: Казань, Астрахань, Сибирь – Польша, Херсонис Таврический, Финляндия. При этом царство Польское заняло место впереди мифического царства Херсониса Таврического. В российской политике Польше, как известно, придавалось особенное значение. Николай I в 1829 г. короновался в Варшаве в качестве польского короля. Затем автономия Польши после восстания 1830–1831 гг. была отменена, и включением польского герба в российский Николай подчеркивал государственное и территориальное единство своей империи. Великое княжество Финляндское, по статусу уступавшее царствам, заняло в этой символической иерархии последнее место.

4.2

Большой государственный герб
Российской империи 1857 и 1882 гг.

Следующий, эмблематически и композиционно сложный, вариант государственного герба появился в начале нового царствования. В 1856 г. по распоря-

жению Александра II Борис Васильевич Кёне (1817–1886)²⁰⁸, в июне 1857 г. возглавивший Гербовое отделение департамента Герольдии Правительствующего Сената, разработал новый государственный герб. 8 декабря 1856 г. Александр II предварительно утвердил рисунки гербов, исполненные художником А.А. Фадеевым, а 11 апреля 1857 г. – Большой, Средний и Малый гербы империи²⁰⁹. Затем в 1882–1883 гг., после изменения некоторых деталей, Александр III утвердил рисунки Большого, Среднего и двух вариантов Малого государственных гербов, выполненных академиком живописи, придворным художником Адольфом Иосифовичем Шарлеманем (1827–1901)²¹⁰. С этого времени и до 1917 г. государственный герб России оставался без изменений. Наличие трех типов государственного герба – Большого, Среднего и Малого – объяснялось тем же, чем и раньше: гербы изображались на печатях, скреплявших разные по своей значимости документы²¹¹. Использование всех трех типов четко регламентировалось законом.

Перед создателем герба стояла очень сложная задача. Необходимо было в компактной форме отразить в гербе полный императорский титул, количество перечисляемых объектов в котором превысило к тому времени уже пятьдесят. Кроме того (и прежде всего), в гербе нужно было выразить и основную суть российской государственности. Кёне должен был разработать герб сильной и мощной империи, отразить в нем и государственно-политические, и религиозные идеи, вселить в подданных империи чувство уверенности и стабильности, несколько пошатнувшееся в связи с окончанием неудачной для России Крымской войны.

Большой государственный герб 1857 (см. ил. 17) и 1882 гг. (см. ил. 18) (как условно будем его называть) имел наиболее сложную композиционную структуру. Он получил резко негативную оценку в историографии. Так, П.И. Белавенец, писавший свою работу в период Первой мировой войны, обрушился на Кёне за приверженность немецким геральдическим традициям и счел его творение беспорядочным нагромождением мало связанных между

собой эмблем²¹². Такое мнение стало общим местом в историографии. Современная исследовательница А.Л. Хорошкевич так охарактеризовала геральдическую деятельность Кёне: «Созданный им герб представлял собой эклектическое смешение старых и новых эмблем и лучше всего демонстрировал не особенности Российской империи, а отсутствие художественного вкуса этого выходца из Германии еврейского происхождения, выпускника Берлинского и Лейпцигского университетов»²¹³. Посмотрим, справедлива ли эта оценка.

Обратимся к официальному описанию герба. «В золотом щите черный двуглавый орел, коронованный двумя Императорскими коронами, над которыми третья такая ж, в большем виде, корона с двумя развевающимися концами ленты ордена Святого Апостола Андрея Первозванного». Основная эмблема герба (двуглавый орел с Георгием Победоносцем) осталась, разумеется, прежней, но стилистика изображения двуглавого орла изменилась. В поднятых крыльях орла стали более заметны фалды, хвост приобрел декоративный резной вид²¹⁴, клювы раскрылись максимально широко, а концы высунутых языков загнулись вверх. Орел стал как бы более хищным и агрессивным²¹⁵. В то же время само изображение приобрело более геральдический, в духе западноевропейского геральдического искусства, характер. По мнению П.И. Белавенца, «вместо прежнего впечатления воинственной торжественной силы» получилось какое-то «отчаянно растрепанное изображение»²¹⁶. Следует заметить, что вариант 1882 г. более приглажен, но общий вид рисунка сохранен. И своим внешним видом, и, естественно, цветовой гаммой российский орел еще больше приблизился к своему австрийскому «собрату». Это был орел сильной и мощной империи, ревниво оберегавшей свое достоинство. Прототипом изображения императорской короны в гербе 1882 г. служила уже не условная геральдическая корона, как прежде, а вполне конкретная – коронационная корона Екатерины II 1762 г. (так называемая Большая императорская). Кстати, и большинство гербов царств увенчали вполне конкретные короны.

«На груди орла герб Московский». Его изображение также изменилось. Во-первых, Кёне развернул его в правую геральдическую сторону, т. е. влево от зрителя. Он поступил так и со всеми остальными гербами, в которых имелись фигуры, находящиеся в движении²¹⁷. Согласно правилам классической геральдики это было абсолютно правильное решение. Но оно вызвало неоднозначную оценку. Так, митрополит Филарет (Дроздов) отмечал: «Какая беда в том, что всадник в московском гербе долго ехал налево, тогда как геральдика велит ему ехать направо? По моему мнению, в сем деле более силы и действия должны иметь отечественная история и отечественные предания»²¹⁸. Напомним, что эти слова принадлежат деятелю церкви. С его точки зрения, поворот фигуры нарушал издревле сложившуюся, характерную для церковного искусства традицию²¹⁹. Единомысленны с ним оказались и создатели современного московского герба – они взяли за основу московский герб времен Екатерины II, а не кёневский вариант. В то же время Кёне попытался усилить религиозную семантику московского герба тем, что верхний конец копыя Георгия Победоносца был изображен в виде креста²²⁰.

«Главный щит (с гербом Государственным) увенчан шлемом Святого Великого Князя Александра Невского». Шлем, как и другие атрибуты внешней части герба, восходил к павловскому варианту 1800 г. Но, хотя его положение (анфас) не изменилось, это уже был не западноевропейский рыцарский шлем, а древнерусский, отсылавший к многовековой исторической преемственности, «православность» которого подчеркивалась и его принадлежностью Александру Невскому и государственным девизом «С нами Бог» на нем. Любопытно, что в качестве шлема Александра Невского выступил совершенно реальный шлем XVII в. – «шанка большая Ерихонская» царя Михаила Федоровича 1621 г. На защитной носовой стрелке этой «шанки» изображен архангел Михаил, покровитель царя-воина и православного воинства (архангел Михаил является и одним из щитодержателей в гербах 1857 и 1882 гг.). «Шанка большая ерихонка» была совершенно особым военным головным

убором и в XVII в. по сути выполняла функцию *боевого* царского венца²²¹. Уже в середине XIX в. этот шлем считали принадлежавшим Александру Невскому²²². С такой «атрибуцией» он и вошел в состав государственного герба. «Новая», удвоенная персонификация владельца шлема существенно повышала значимость самой регалии. Образ Александра Невского стал особенно популярен, по крайней мере со времен Петра I, и занял важное место в системе государственной идеологии. Он являл собой уникальное сочетание князя – правителя и предшественника многих поколений русских монархов, православного святого, защитившего православную веру от католической экспансии, и воина – полководца, защищавшего Русь с оружием в руках. Несмотря на значительное число святых-правителей в русской истории, такое «сочетание» имел только Александр Невский, что, конечно, не могло не способствовать героизации и мифологизации этого образа, занявшего в историческом самосознании русского народа совершенно выдающееся место.

Слова «С нами Бог» стали государственным девизом Российской империи. Интересно, что это абсолютно точное соответствие девиза прусского королевского герба, который даже и расположен аналогично девизу герба российского (в российском гербе девиз повторен и на сени). Здесь сложно говорить о каком-либо слепом копировании, поскольку это широко распространенный библеизм, в церковнославянском переводе «С нами Бог, никто же на ны», помещенный, например, еще на кольчуге Бориса Годунова рубежа XVI–XVII в.²²³ «Намет черный с золотом», т. е. в цветах поля щита и главной фигуры – орла. Сверху на щите также положена лента в цветах государственного флага (бело-желто-черная), которые официально были утверждены 11 июня 1858 г.²²⁴

«Вокруг щита цепь ордена Святого Апостола Андрея Первозванного; по сторонам изображения Святых Архистратига Михаила и Архангела Гавриила». Помещение этих фигур в государственный герб вызвало негативную реакцию митрополита Филарета (думается, что его точку зре-

ния разделяла определенная часть духовенства). Митрополит высказывался против архангела Михаила в данном качестве, поскольку «народ, увидя такой герб, может вспомнить при сем об Архангельском соборе как усыпальнице государей», против архангела Гавриила в этом качестве, поскольку первая церковь в Москве не была Благовещенская, «за радость граду» (а именно так в то время объяснялось присутствие архангела Гавриила в гербе), да и «трудно было бы догадаться, что это относится к Благовещенской церкви», и, наконец, вообще против того, чтобы «кого-либо из архангелов или святых прославленных мужей представлять держащими государственный герб». «Будет ли спокойно благочестивое чувство православного, – писал митрополит, – если увидим архангелов низведенными к тому, чтобы держать государственный герб, предмет величайшей важности в государственном отношении, который, однако, не есть знамение божественное или святыня? ...Полагаю, что сия дисгармония идей, сие подчинение идеи святого идеи гражданской, неблагоприятно почувствуется людьми строгого благоговения к святыне»²²⁵. Но, как видим, архангелы в гербе все же остались. Причем, если в варианте 1857 г. их фигуры повернуты от щита и они как бы представляют герб, то в варианте 1882 г., напротив, обращены к гербу и, таким образом, как бы охраняют его.

«Сень золотая, коронованная Императорскою короною, усеянная Российскими двоеглавыми орлами и подложена горюстаем. На ней червленая надпись: "С нами Бог!". Над сенью возникающая Государственная хоругвь с осьмиконечной на древке оной крестом. Полотно Государственной хоругви золотое». На самой хоругви повторено центральное изображение государственного герба – то, о котором шла речь выше. Если сравнить композицию анализируемого герба с композицией Большой печати Ивана Грозного 1570-х годов, то нетрудно заметить, что хоругвь герба, по сути, аналогична Голгофскому кресту печати, занимая то же, самое верхнее, место. Государственной хоругви никогда не существовало в реальности. Однако ее присутствие в гербе, равно как архангелов и девиза, подчеркивало право-

славный характер российского царства²²⁶. Тем самым в центральной части герба были отражены Божественное происхождение царской власти и ее государственное значение, что соответствовало началу императорского титула: «Божиею попешествующею милостию Император и Самодержец Всероссийский».

Пятнадцать щитков с земельными гербами, включая девять больших и шесть малых, расположенных вокруг центрального изображения²²⁷, объединяли более 50 гербов и символизировали все территории, перечисленные в полном титуле императора. Их расположение не случайно. Самый нижний – родовой герб императора, состоящий из герба Романовых и герба герцогов Голштинских (Ольденбургского дома). Его местонахождение внизу герба символично. Вместе с центральным гербовым изображением и хоругвью он составляет как бы осевую вертикаль всей композиции. Если хоругвь олицетворяет Божественное начало и потому выше всех остальных эмблем, центральная часть символизирует само государство, то нижний герб – императорскую династию, царственный род. Царь, Россия и Бог – вот три понятия, означенные этой осью. «За веру, царя и отечество» – эти слова символически воплощены не только в гербе в целом, но и в данных трех элементах прежде всего. Соединение небесной власти и земной достигается символом хоругви вверху и династическим гербом в основании всей композиции, которую увенчивают крест и двуглавый орел.

Восемь больших щитков представляют гербы следующих земель: царства Казанского (увенчан Казанской шапкой), царства Астраханского (увенчан венцом Михаила Федоровича 1627 г.), царства Польского (увенчан коронационной короной Анны Иоанновны, которой короновался в Варшаве Николай I), царства Сибирского (увенчан алтабасной шапкой Ивана Алексеевича), царства Херсониса Таврического (увенчан шапкой Мономаха), объединенного герба царства Грузинского и кавказских земель (увенчан грузинской царской короной, сделанной при Павле I для грузинского царя), объединенный герб Киевский, Влади-

мирский и Новгородский (увенчан шапкой Мономаха «второго наряда»), великого княжества Финляндского (увенчан короной этого княжества, в действительности никогда не существовавшей)²²⁸. Примечательно, что шапка Мономаха венчает герб царства Херсониса Таврического, в то время как объединенный щит Киевского, Владимирского и Новгородского гербов – шапка Мономаха «второго наряда», созданная для венчания на царство Петра I в 1682 г. Такое распределение венцов отражает традицию представления о шапке Мономаха как о византийской регалии, и соответственно ее сопряжение именно с гербом Херсониса Таврического лишь подчеркивало преемственность царской власти от Византии. Исконно древнерусские, столичные по статусу города и земли увенчала копия шапки Мономаха, созданная уже на Руси. Так обозначена преемственность от византийского Херсониса к древнерусским Киеву, Владимиру и Новгороду, от византийского императорского венца к венцам русских государей.

Расположение этих гербов в целом соответствует их порядку в императорском титуле и построено по принципу композиции печати Ивана Грозного: справа налево и сверху вниз. Исключение составляют лишь два последних герба. «Киевский, Владимирский и Новгородский» идут в императорском титуле вслед за «Московским» и прежде «царства Казанского» и других царств. Но в расположении гербов соблюдена не столько историческая, сколько статусная иерархия. Киев, Владимир и Новгород никогда царствами не являлись. Не было таковым и великое княжество Финляндское. Его появление среди больших гербов объясняется сокращенным титулом императора, в котором «великий князь Финляндский» следует после слов «Царь Грузинский», и на этом титул заканчивается (в большом же титуле атрибут «великий князь Финляндский» отделен от предшествующих слов «царь Грузинский» еще пятью объектами). Выбор правой и левой стороны для этих двух последних гербов обусловлен их исторической значимостью. Объединенный Киевский, Владимирский и Новгородский герб занимает правое место (справа и от герба династии

Романовых), филяндский – левое. Существенно, что если проанализировать герб с позиции романовского герба, то ближе к нему окажется как раз объединенный герб древних русских столиц.

Шесть верхних, малых, щитков также расположены по строгому принципу. Земельные гербы сгруппированы в них по территориальному признаку. В гербе 1857 г. расположение таково: первое место, справа – объединенный герб земель великороссийских, второе место, слева – украинских, третье место, справа – белорусских, четвертое место, слева – литовских, пятое место, справа – прибалтийских и шестое место, слева – северо-восточных (эмблемы земель, населенных финно-угорскими народами). В гербе 1882 г. порядок немного изменился, потому что добавился герб Туркестана. Теперь расположение стало таким: великороссийский, украинский (малороссийский), белорусско-литовский, прибалтийский, северо-восточный (угро-финский)²²⁹ и туркестанский гербы.

Этот порядок соответствует традиционной последовательности Великой, Малой и Белой России. Затем идут: западные Прибалтика (Эстляндия, Лифляндия, Курляндия и Семигалия) и Корелия – четвертый щит; восточные финно-угорские Пермь²³⁰ (центральный щиток), Вятка²³¹, Болгария (по всей видимости обозначавшая земли марийцев и чувашей)²³², еще более отдаленные Обдорская²³³ и Кондинская²³⁴ земли – пятый щит; и, наконец, шестой щит – Туркестан²³⁵. Преимущество в расположении Прибалтики по сравнению с Пермско-Вятским конгломератом (присоединенным к России значительно раньше, еще в XIV–XVI вв.), вероятно, объясняется статусностью остзейских территорий, среди которых присутствовало герцогство – Курляндское и Семигальское (в титуле обозначены как «княжества», впрочем, аналогично и северо-восточным землям). Любопытно, что для герба Туркестана был взят тот самый единорог, который когда-то украшал государственные печати царей XVI–XVII вв. начиная с времен Ивана Грозного, но теперь приобрел совсем иной смысл²³⁶.

Примечательно, что в Большом гербе 1857 г. вся композиция земельных гербов выстроена в некую геометрическую рамку, контуры которой напоминают хоругвь²³⁷.

В Большом гербе 1882 г. вновь возвращена круговая композиция. Гербы нижней полуокружности покоятся на лавровых и дубовых ветвях (символы славы и силы), при этом лавровые ветви охватывают центральную эмблему справа, а дубовые – слева²³⁸. А шесть гербов верхней полуокружности объединены опять-таки лишь композиционно, закругленным расположением самих щитов. Да и гербы нижней части окружности композиционно объединены по сути «фоном», представляя своеобразное геральдическое ожерелье российского государственного орла. Здесь не ощущается слишком сильного, напряженного единства. Вся же композиция имперского герба покоилась на символически выраженной идее объединения земель под единым скипетром российского монарха, а герб императорской династии находился в основании всей композиции, подчеркивая тем самым, что единство скреплялось династией и фигурой государя. Стилистически достигалось ощущение равновесия и стабильности, и государственный герб, в семантике которого преобладал государственно-кратологический камертон, стал столь же стабилен в употреблении.

Анализ герба позволяет сделать вывод, что Кёне использовал два образца: павловский вариант 1800 г. (в свою очередь восходивший к композиции прусского герба) и Большую государственную печать Ивана Грозного 1577 г. Причем центральная часть герба в основных своих элементах обнаруживает соответствие с павловским гербом (центральный щит, щитодержатели, шлем и намет, цепь ордена Святого Андрея Первозванного, сень и корона, девиз), а ее окружение отсылает к печати Ивана Грозного [круговое расположение земельных гербов (с соблюдением того же принципа последовательности: справа – налево, сверху – вниз), хоругвь на «месте» Голгофского креста]. При этом Кёне попытался соединить российскую и западноевропейскую (немецко-австрийскую – внешний вид орла, разворот

фигур в правую геральдическую сторону) геральдические традиции. Иными словами, он попытался аккумулировать в новом гербе все наследие прежних многосложных композиций российского государственного герба, а значит, тем самым подчеркнуть неразрывность исторической преемственности. В то же время прежний опыт государственной геральдики России Кёне представил с позиций европейской геральдической практики и в рамках европейского геральдического искусства.

Средний герб Российской империи представлял собой ту же композицию, но без шести верхних щитков, Малый – или только центральную часть, без щитодержателей, или только орла, на крыльях которого помещалось восемь гербов «царств». В 1857–1859 гг. все изображения российского государственного герба на монетах, предметах обмундирования и т. д. были унифицированы²³⁹.